

ВОСПОМИНАНИЕ О П. М. СТРОЕВѢ.

(Юня 27-го 1796—января 6-го 1876 г.)

Записка Академика И. И. Срезневскаго.

Въ 1864 г. мы праздновали юбилей пятидесятилѣтней писательской дѣятельности Строева; прошло еще съ небольшимъ однадцать лѣтъ, и мы утратили его навсегда изъ своей среды, въ которой онъ былъ почти полъ-жизни своей, съ самаго основанія въ Академіи нашей Отдѣленія Русскаго языка и словесности (въ концѣ 1840 г.); 6-го января (1876 г.) онъ скончался въ Москвѣ на 80-мъ году жизни.

Начало дѣятельности Строева относится къ тому времени, когда непосредственно послѣ войны 1812 года въ научно-образованныхъ Русскихъ кружкахъ, особенно въ Москвѣ, возобновились работы, направленныя къ изученію отечества и минувшихъ его вѣковъ. Въ 1814—1815 годахъ появились въ «Сынѣ Отечества» первые историческіе опыты Строева, восемнадцати-лѣтняго студента университета, и на столько были достойны вниманія по направленію, что не остались незамѣченными тѣми, которые умѣли и хотѣли дорожить возникающими дарованіями — между прочимъ и графомъ Н. П. Румянцевымъ: одинъ изъ нихъ былъ «О родословіи владѣтельныхъ князей Русскихъ» (XIV: 284), продолженный «Родословнымъ чертежемъ поколѣній владѣтельныхъ князей Русскихъ» (XXVI: 201 и 244). Въ 1814 году напечатана его «Краткая Россійская исторія», занявшая на довольно долгое

время видное мѣсто между учебниками, любимыми учителями и учениками ¹⁾: она упрочила за Строевымъ вниманіе къ его юношеской дѣятельности, которая въ то время (мартъ — іюль 1815 г.) выразилась еще изданіемъ «Современнаго Наблюдателя Россійской словесности», гдѣ появилось между прочимъ и его краткое обзорѣніе мѣлологіи Славянъ, изданное потомъ и отдѣльно ²⁾. Графъ Н. П. Румянцевъ пригласилъ его къ занятію должности главнаго смотрителя надъ изданіемъ «Собранія Государственныхъ грамотъ и договоровъ»: Строевъ вышелъ изъ университета, не окончивъ курса, и въ началѣ 1816 г. былъ опредѣленъ въ Комиссію изданія съ причисленіемъ къ Архиву Иностранныхъ дѣлъ ³⁾. Ему поручено было изданіе 3-го тома Собранія, а окончаніе изданія 2-го тома немного позже (1817) возложено было на Калайдовича (съ званіемъ контръ-корректора). Такъ сошлись въ учено-служебной дѣятельности эти два замѣчательные юноши:

¹⁾ Въ Современной Русской библиографіи въ Сынѣ Отечества 1814 г. (см. кн. XIX, вышедшую 8 мая 1814 г., стр. 268) обозначена эта книжка такъ: «Краткая Россійская исторія въ пользу Россійскаго юношества». Соч. П. Строева. 12^о: 112 стр. Въ Обзорѣніи Русской литературы 1814 года, составленномъ Гречемъ, эта книжка такъ же заняла свое мѣсто (Сынъ Отеч. 1815 г. кн. III, вышедшая 21 янв., стр. 100).

²⁾ «Современный Наблюдатель Россійской Словесности» издаваемъ былъ тетрадками по одному печатному листу. Всего вышло 18 тетрадокъ въ двухъ частяхъ, по 9-ти въ каждой. Главное мѣсто занято разборомъ новыхъ книгъ, современной библиографіей и обзорѣніемъ журналовъ. Есть кромѣ того мелкія статьи «Смѣси», а въ 1-й части изъ «Писемъ о Русской Словесности» о Россіадѣ Хераскова письмо къ дѣвицѣ Д., изъ «Разсужденій объ изящныхъ искусствахъ» — о различіи народныхъ вкусовъ (переводъ статьи Вольтера), изъ «Жизнеописаній знаменитыхъ Русскихъ писателей» — о жизни князя Антиоха Кантемира (переводъ изъ введенія къ французскому переводу Сатиръ Кантемира, изд. въ Лондонѣ 1749 г.); а во 2-й части — нѣчто о мѣлологіи Славянъ Россійскихъ и въ особенности о баснѣ Золотой бабѣ.

³⁾ На основаніи доклада Госуд. Канцлера графа Н. П. Румянцева (25 февр. 1811 г.), Высочайше утвержденнаго 3 мая 1811 г., изданіе Собранія государст. грамотъ и договоровъ положено признавать не частнымъ предпріятіемъ, но дѣломъ казеннымъ, для чего составить особую комиссію, которая, находясь подъ вѣдѣніемъ и распоряженіемъ управляющаго архивомъ, должна была состоять изъ одного главнаго смотрителя надъ изданіемъ (съ жалованьемъ по 600 р.) и двухъ чиновниковъ (съ жалованьемъ по 250 р.).

Калайдовичъ былъ четырьмя годами старше, значительно опытнѣе и ученѣе, по этому былъ Строеву очень полезенъ совѣтами и указа- ниями. Надобность обзоренія и описанія рукописныхъ библіотекъ сознава Строевымъ, вѣроятно, не безъ вліянія Калайдовича; по крайней мѣрѣ уже только послѣ сближенія съ Калайдовичемъ Строевъ сталъ заниматься этимъ дѣломъ, начавъ его, въ 1817— 1818 г., по порученію графа Румянцева, съ монастырскихъ би- біліотекъ около Москвы, именно съ Волоколамскаго и потомъ пе- рейдя къ Новоіерусалимскому, Воскресенскому, Саввину-Звени- городскому, Пафнутьеву-Боровскому. Къ сожалѣнію, изъ этихъ описаній сохранились только нѣкоторыя части въ Румянцовскомъ музеѣ и въ музеѣ графа А. С. Уварова; но и по этимъ остат- камъ можно судить, какъ внимателенъ былъ молодой наблюда- тель (см. Востокова Отеч. Росс. Рум. муз., стр. 37 и слѣд., Строева рукописи П. Н. Царскаго: стр. 162 и слѣд.). Съ 1818 г. Строевъ вмѣстѣ съ Калайдовичемъ занялся описаніемъ рукописей библіотеки графа Ѳ. А. Толстого, — и въ концѣ 1820 г. этотъ обширный трудъ былъ оконченъ и переданъ въ цензуру, (напеча- тать и изданъ былъ онъ уже въ 1825 г.) Что Калайдовичъ и Строевъ трудились тогда вмѣстѣ свидѣтельствуеетъ и ихъ изданіе «Законовъ в. к. Іоанна Васильевича и внука его ц. Іоанна Ва- сильевича» по списку Архива иностранныхъ дѣлъ въ 1819 г.. Нельзя, кажется, отвергнуть, что главнымъ дѣятелемъ въ этомъ изданіи былъ Калайдовичъ, какъ уже опытный издатель; но, ко- нечно, и Строевъ принималъ въ немъ дѣятельное участіе: иначе бы имя его и не стало вмѣстѣ съ именемъ Калайдовича. По этому изданію, въ первый разъ узнали Судебникъ в. к. Іоанна Василье- вича отдѣльно отъ тѣхъ измѣненій, которыя сдѣланы были въ немъ царемъ Іоанномъ Грознымъ, и съ которыми нераздѣльно онъ дотошѣ издавался (въ 1768, еще разъ въ 1768, въ 1774, въ 1786 и пр.). Только уже съ 1840 года можно стало при ра- ботахъ замѣнять это изданіе другимъ, болѣе удовлетворительнымъ, и то приготовленнымъ въ основномъ видѣ тѣмъ же Строевымъ: разумно изданіе Судебниковъ въ 1-мъ томѣ Актовъ историче-

скихъ, изданныхъ Археографическою комиссією (1: 105 и 153: стр. 148 и 219).

Какъ бы ни было велико вліяніе Калайдовича на Строева, оно какъ доброе сѣмя падало на плодородную почву. Это доказало его изданіе Софійскаго временника, напечатанное на иждивеніи графа Румянцева въ двухъ большихъ томахъ въ 1820 г., а совершенно оконченное въ 1822 г. ¹⁾ Лѣтопись, за которую Строевъ удержалъ названіе, находящееся въ ней самой послѣ вступленія, была уже извѣстна по Академическому изданію 1795 г., по издана была тогда и по очень новому списку не очень старательно и не вся, а только на половину. У Строева были три рукописи XVI и XVII вѣка: по рукописямъ XVII вѣка напечатано все главное, а все добавочное по рукописи XVI вѣка, изъ которой взято кое-что и для исправленія ошибокъ двухъ первыхъ; для разночтеній взято въ первой части и печатное изданіе. Приложены и описанія рукописей со снимками. Правила печатанія опредѣлительно обозначены въ предисловіи и тщательно соблюдены. Въ концѣ 2-го тома приложены азбучныя росписи именъ собственныхъ. Такого изданія ни какой цѣльной лѣтописи, ни какого вибудь большого памятника Русской древности дотогѣ у насъ не было, и это изданіе вышло изъ подъ рукъ двадцати-четырёхъ-лѣтняго юноши: нѣтъ никакихъ поводовъ предполагать, что кто бы то ни было помогалъ ему. И не одно достоинство изданія внушало и доселѣ внушаетъ уваженіе къ этому труду Строева: въ помянутомъ предисловіи къ первому тому есть еще замѣчательныя страницы, бросившія новый и ясный свѣтъ на Русскія лѣтописи вообще. «Временникъ Нестора (такъ Строевъ называетъ Повѣсть временныхъ лѣтъ) и труды его продолжателей неизвѣстны намъ ни въ подлинникахъ, ни въ отдѣльныхъ спискахъ. Можетъ быть, они уже навсегда потеряны. До насъ дошли одни *сборники*, болѣе или менѣе полные, обстоятельныя, или краткіе. Въ нѣкоторыхъ

¹⁾ Оба тома были уже напечатаны въ 1820 г., это ясно видно изъ ссылокъ на 2-ой томъ въ предисловіи къ 1-му (см. стр. XXI).

собраны происшествія великаго княжества Кіевскаго; въ другіхъ, событія Новгородскія, Московскія, Псковскія, Волынскія; а въ наибольшей части тѣ и другія вмѣстѣ. Встрѣчается даже, что одни и тѣ же случаи (въ одномъ такомъ сборникѣ) описаны двумя, иногда и тремя, различными образами, въ порядкѣ непосредственномъ, или подъ разными годами, въ одномъ мѣстѣ подробнѣе, въ другомъ сокращенно. Мы не знаемъ, кто первый началъ собирать отдѣльныя бытописанія; но, какъ кажется, сборники ведутъ свое начало отъ временъ близкихъ къ Нестору. Нельзя отнять чести перваго лѣтописателя у сего Печерскаго инокъ, но нельзя также и отрицать совершенно, чтобы не было и другихъ ему со-временныхъ. Въ Новгородѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ и иныхъ городахъ знатнѣйшихъ тогдашней Россіи были люди, безъ сомнѣнія, столь же любопытные; да и сами правители областей не могли ли записывать примѣчательнѣйшихъ событій, кои въ нихъ случались? Руководствуясь, вѣроятно, подобными записками, первые продолжатели Нестора прибавили къ нему нѣкоторые частныя случаи, другіе пополняли недостатокъ въ подробностяхъ, а смѣлые коснулись и самого слога. Иначе откуда произошли тѣ многочисленныя разнословія и вставки, кои находятся въ самомъ началѣ сборниковъ, особенно Новгородскихъ, тамъ, гдѣ мы полагаемъ одинъ только временникъ Нестора? Слѣдующіе за тѣмъ бытописатели повѣствовали происшествія имъ современныя; но касаясь предварительно событій минувшихъ, они должны были заимствовать извѣстія у своихъ предшественниковъ. Весьма естественно, что они занимались болѣе частными случаями своихъ областей. Каждый вѣкъ и каждое значительное княжество имѣло своихъ почти непрерывныхъ бытописателей; даже и въ нѣкоторыхъ обителяхъ вели частныя монастырскія записки. Изъ сихъ то отдѣльныхъ бытописаній составлялись по временамъ общіе сборники. Непрерывная нить сихъ сборниковъ продолжается до шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка. Почти все это, высказанное юношею, въ то время, когда едва началась разработка источниковъ древне-Русской исторіи, когда они, за исключеніемъ Карамзина, извѣстны

были только нѣсколькимъ лицамъ, и то по частямъ, вполне оправдалось только значительно послѣ, и могло увеличиться только однимъ общимъ выводомъ, выводомъ, что и сама «Повѣсть временныхъ лѣтъ» есть такой же сборникъ, въ который, кромѣ разныхъ отдѣльныхъ статей и выписокъ большого размѣра, вошли и разные первоначальныя лѣтописи. Свѣтлый взглядъ Строева не могъ остаться безъ вліянія на изслѣдованія другихъ писателей — тѣмъ болѣе, что онъ высказанъ былъ въ предисловіи къ изданію лѣтописи, которымъ нельзя было не пользоваться. Нельзя этимъ изданіемъ не пользоваться и теперь, хотя въ 1851 — 1853 гг. и вышло новое изданіе той же лѣтописи (въ Полномъ собраніи Русскихъ лѣтописей: томы V и VI), въ которомъ издателя имѣли подъ рукою большее количество списковъ, и больше вспомогательныхъ средствъ.

Въ томъ же 1822 году, когда наконецъ окончательно допечатанъ и изданъ 2-ой томъ Софійскаго временника, вышелъ въ свѣтъ и 3-ій томъ Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, надъ которымъ работалъ Строевъ. Прежнія, добрыя отношенія между Строевымъ и Калайдовичемъ, кажется, сохранялись; но были обстоятельства, могшія ихъ разрушить: такъ по нѣкоторымъ даннымъ можно заключать, что непосредственный начальникъ Строева, управляющій архивомъ иностранныхъ дѣлъ, А. Ѳ. Малиновскій, былъ недоволенъ Строевымъ и, предпочитая ему Калайдовича, и поручая ему трудиться между прочимъ по изданію 3-го тома Собранія, порученнаго Строеву, домогался дать ему мѣсто Строева въ комиссіи, и успѣлъ: «по прошенію за слабостью здоровья онъ уволенъ отъ комиссіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и договоровъ 1 сент. 1822 г.» (какъ сказано въ формулярномъ спискѣ); а 26 окт. того же года «по просьбѣ Малиновскаго» опредѣленъ главнымъ смотрителемъ Калайдовичъ (П. А. Безсонова, К. Ѳ. Калайдовичъ: стр. 60 — 61). Можетъ быть и самъ Строевъ искалъ другой дѣятельности. Это можно заключить потому, что въ 1823 г. онъ занялся было, по порученію Общества исторіи и древностей, приготовленіемъ

къ изданію Псковской лѣтописи, по списку Толстовскому, и обозрѣвалъ рукописи Новгородской Софійской библіотеки; а въ 1823—1824 г. занимался разборомъ и дѣлъ, касающихся Донскихъ казаковъ, въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ ¹⁾. Въ то же время, въ связи съ его частными работами по обозрѣнію рукописныхъ библіотекъ и архивовъ, его занимала мысль объ общемъ обозрѣніи всѣхъ рукописныхъ сокровищъ Россіи: мысль эта была имъ сообщена Обществу исторіи и древностей и хотя была принята, какъ кажется, не очень радушно, но и не была отвергнута — такъ что на пр. путешествіе его въ Новгородъ было однимъ ихъ послѣдствіемъ принятія его предложенія. Между тѣмъ Строевъ продолжалъ заниматься лѣтописями, — и тѣми, которыя разсматривалъ онъ какъ сборники, и тѣми, въ которыхъ могли быть только вставки изъ такихъ сборниковъ и которые извѣстны были издавна подъ названіемъ хронографовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и древнѣйшею лѣтописью: по этой послѣдней представлена была имъ замѣчательная записка подъ названіемъ «О Византійскомъ источникѣ Нестора (Труды общ. ист. и др. VI: 1: 167) по разбору сборниковъ — разсмотрѣніе списковъ царственной книги (т. ж. III: II: 123, 127, 130), по хронографамъ — опредѣленіе двухъ редакцій ихъ (т. ж. IV: 1: 116). Въ 1825 г. Строевъ получилъ мѣсто смотрителя библіотеки графа Ѳ. А. Толстого, описаніе (1093-хъ) рукописей которой было приготовлено Балайдовичемъ и Строевымъ въ 1820 и издано въ 1825 г. Въ этомъ же году появилось Первое прибавленіе къ Описанію, сдѣланное Строевымъ, а въ 1827 г. Второе прибавленіе, въ которыхъ помѣщена опись еще 207 рукописей вновь приобрѣтенныхъ гр. Толстымъ. Это былъ, въ ряду изданныхъ самостоятельныхъ трудовъ Строева по описанію рукописей первый, впрочемъ совершенно такъ же исполненный, какъ и основная книга Описанія, болѣе опись, чѣмъ описаніе, въ которой

¹⁾ Составленіемъ извлеченій изъ дѣлъ Донскихъ казаковъ хранящихся въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ Строевъ занялся съ сентября 1823 г. по желанію генералъ-адъютанта Чернышева и съ согласія управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ графа Нессельрода.

только сборники рассмотрѣны по содержанію и въ которой для облегченія пользованія приложены указатели. Дальнѣйшею разработкою задачи описанія рукописей могъ онъ заняться уже позже, когда ему пришлось разсматривать другія собранія рукописей. Въ 1828 году у него была готова и вторая половина описанія библіотеки Толстовской—Описаніе старопечатныхъ книгъ, всего безъ малаго 380; оно издано въ 1829 г. Въ этомъ новомъ библіографическомъ трудѣ Строевъ выразилъ значительно болѣе внимательности къ содержанію книгъ, чѣмъ въ описаніи рукописей: мало того, что замѣчалъ всѣ подробности, отличающія книгу, и степень важности ея по содержанію или по рѣдкости уцѣлѣвшихъ оттисковъ; онъ занялся и разсмотрѣніемъ предисловія и послѣсловія, къ нимъ приложенныхъ, и все сколько нибудь важное, въ нихъ имъ замѣченное, внесъ въ свою книгу, снабдивши ее и общимъ обзорѣніемъ, указателями и палеографическими снимками шрифтовъ (на 10 листахъ изъ 21 книги) подъ стать къ палеографическимъ снимкамъ почерковъ съ (12-ти) рукописей, приложенныхъ къ описанію рукописей. По всему этому новый трудъ Строева былъ не только важнымъ продолженіемъ труда Сопикова, занимавшагося старопечатными книгами еще до 1813 г., когда появилась первая часть его библіографіи; но и образцомъ для послѣдовавшихъ за нимъ библіографовъ.

Трудъ этотъ печатался, а Строевъ между тѣмъ приготовлялся къ другому, гораздо болѣе важному, давно его занимавшему труду, мысль о которомъ была имъ подробно изложена еще въ 1823 г., въ рѣчи, имъ говореной въ засѣданіи Общества исторіи и древностей (14 іюля) въ слѣдствіе его избранія въ члены общества. Эта мысль, въ началѣ показавшаяся можетъ быть неисполнимымъ пожеланіемъ, неисполнимымъ по крайней мѣрѣ въ тѣхъ размѣрахъ, которые выставлены были Строевымъ на видъ, была наконецъ понята и принята. Мысль Строева не измѣнилась и послѣ, а потому не лишнимъ будетъ напомнить ее въ тѣхъ выраженіяхъ, въ какихъ была высказана въ первый разъ. «Или дѣлать и дѣлать цѣлое и совершенное, или такъ оставить и не начинать»: вотъ

слова мудрой законодательницы (Ук. 1764 г., марта 12), и — по моему мнѣнію — девизъ обществъ ученыхъ... Цѣль нашего общества будетъ маловажна и дѣйствія слишкомъ слабы и ограниченны, если оно займется печатаніемъ двухъ или трехъ списковъ лѣтописи, изданіемъ немногихъ достопамятностей и обнародованіемъ своихъ протоколовъ. Кругъ нашихъ дѣйствій будетъ слишкомъ тѣсенъ, если мы ограничимъ ихъ Синодальною библіотекою или хотя и всѣми Московскими книгохранилищами, и станемъ издавать только то, что найдется случайно или уже извѣстно. Не выходя изъ сего (произвольнаго) очертанія, общество никогда не будетъ въ состояніи достигнуть той цѣли, какую предположило себѣ въ § 5 устава: привести въ ясность Россійскую исторію. Для столь великаго преднамѣренія потребны иныя средства, большія усилія и изысканія несравненно важнѣйшія. Не довольно Москвы для поприща нашей дѣятельности: пусть цѣлая Россія превратится въ одну библіотеку намъ доступную. Не сотнями извѣстныхъ рукописей мы должны ограничить свои занятія; но безчисленнымъ множествомъ ихъ въ монастырскихъ и соборныхъ хранилищахъ, никѣмъ не хранимыхъ и никѣмъ не описанныхъ; въ архивахъ, кои нещадно опустошаетъ время и нерадивое невѣжество; въ кладовыхъ и подвалахъ, недоступныхъ лучамъ солнца, куда груды древнихъ книгъ и свитковъ снесены (кажется) для того, чтобы грызущія животныя, черви, ржа и тля могли истрепять ихъ удобнѣе и скорѣе. Общество должно извлечь, привести въ извѣстность, и если не само обработать, то доставить другимъ средства обрабатывать письменные памятники нашей исторіи и древней словесности, разсѣянные по обширнымъ пространствамъ отъ Бѣлаго моря до степей Украинскихъ и отъ границъ Литвы до хребта Уральскаго. Вотъ наше поприще и труды намъ предстоящіе. Первою, основною частію обязанностей, предстоящихъ обществу, должно быть извлеченіе и приведеніе въ извѣстность всѣхъ (буде можно) памятниковъ нашихъ древнихъ писменъ. Для сего необходимо образовать экспедицію, которая бы обозрѣла, разобрала и съ возможною точностью описала всѣ

монастырскія, соборныя, духовно-училищныя и прочія собранія рукописей въ пространствѣ выше мною означенномъ. И частныя книгохранилища могутъ войти въ составъ розысканій, если владыцы пожелаютъ отворить оныя. Но какъ не возможно совершить все вдругъ и однимъ приемомъ, пусть экспедиція будетъ раздѣлена на три части или поѣздки. Первымъ, такъ сказать, пробнымъ предметомъ экспедиціи можетъ быть библіотека Софійскаго собора въ Новгородѣ, которая, какъ мнѣ извѣстно, заключаетъ въ себѣ болѣе тысячи рукописей и богата памятниками древности всякаго рода. По обработаніи сего книгохранилища, экспедиція объѣдетъ губерніи: Новгородскую, С.-Петербургскую, Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую, Вятскую, часть Пермской и чрезъ Костромскую, Ярославскую и Тверскую возвратится въ Москву. Сія первая или сѣверная поѣздка будетъ важнѣйшая и самая любопытная, ибо древнія рукописи нигдѣ не уцѣлѣли въ такомъ множествѣ, какъ въ сей части Россіи, богатой обителями и книгохранилищами. Съ другой стороны и старообрядцы, сіи попечители древности, занесли съ собою въ дальній сѣверъ великое число всякихъ рукописей и частымъ переписываніемъ упрочили ихъ тѣмъ странамъ. Поприщемъ второй или средней поѣздки будутъ губерніи: Московская, Владимірская, Нижегородская, часть Казанской и Симбирской, сѣверные уѣзды Пензенской и Тамбовской, Рязанская, Тульская, Калужская, Смоленская и Псковская. Третья или западная обниметъ Витебскую, Могилевскую, Минскую, Волынскую, три Малороссійскія, Курскую и Орловскую. На первую поѣздку необходимо болѣе двухъ лѣтъ; вторая совершится въ годъ; и на третью достаточно года. Такимъ образомъ въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ всѣ книгохранилища духовнаго вѣдомства въ Европейской Россіи будутъ разобраны и описаны; древности, въ нихъ содержащіяся, сдѣлаются извѣстными, и многія сотни, а можетъ быть и тысячи рукописей избѣгнуть неминуемой и (вѣроятно) близкой гибели. По совершеніи сей экспедиціи, когда рукописямъ библіотекъ духовнаго вѣдомства составлены будутъ подробные каталоги, должно при-

ступить ко второй части преднамѣреній, т. е. къ обнародованію сихъ каталоговъ. Нѣтъ надобности каждый изъ нихъ печатать отдѣльно. Ихъ можно слить въ общую роспись, систематически расположенную, которая при возможной краткости представляла бы самое полное и вѣрнѣйшее описаніе всѣхъ гдѣ либо существующихъ памятниковъ нашей исторіи и литературы до XVIII вѣка. Тогда будетъ подлежать послѣдняя, самая важная часть нашихъ занятій: наступитъ время изданія и критики. Тогда, имѣя въ виду сотни списковъ лѣтописей, мы будемъ избирать лучшіе, и напечатаемъ цѣлое *собраніе лѣтописцевъ и писателей Русской исторіи*, обработанное критически. Отъ нашей воли будетъ зависѣть составленіе многочисленныхъ томовъ *пособій для древней литературы, дипломатики, исторіи политической и церковной, законовѣдѣнія* и пр. Тогда (а не прежде) составитъ и Славяно-русская палеографія». Такова была мысль молодого Строева. Пять лѣтъ, къ счастью не болѣе пяти лѣтъ — она оставалась безъ надежды на исполненіе, пока наконецъ президентъ Академіи наукъ С. С. Уваровъ передалъ ее въ Академію Наукъ на обсужденіе; Академія Наукъ, нашедши ея исполненіе очень важнымъ, взялась за это дѣло и при помощи ея президента оно удостоилось Высочайшаго утвержденія (14 іюля 1828 г.). Опредѣлено было снарядить археографическую экспедицію съ цѣлію привести въ извѣстность всѣ старинныя бібліотеки и архивы и извлечь изъ нихъ важнѣйшіе памятники отечественной исторіи, дипломатики, правовѣдѣнія и пр. Мѣстомъ дѣйствій экспедиціи назначены наиболѣе обильныя древностями страны сѣверо-восточной и средней Россіи. Начальникомъ экспедиціи былъ избранъ, какъ и слѣдовало, Строевъ. Для успѣшнаго хода предпріятія свят. Синодъ предписалъ по своему вѣдомству о допущеніи Строева въ духовныя бібліотеки и архивы, для извлеченій и выписокъ изъ хранящихся въ нихъ рукописей; гг. министръ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи сдѣлали тоже по своимъ вѣдомствамъ въ отношеніи къ архивамъ присутственныхъ мѣстъ; а министръ народнаго просвѣщенія, приказалъ лицамъ, завѣдывающимъ учебными заведеніями,

доставлять Строеву свѣдѣнія о мѣстныхъ древностяхъ и содѣйствовать къ успѣшнѣйшему ихъ открытію. Весною 1829 г. экспедиція, т. е. Строевъ съ двумя помощниками (чиновниками изъ вѣдомства министерства иностранныхъ дѣлъ) начала свое дѣло, и повела его почти въ такомъ же порядкѣ, какъ было предположено Строевымъ въ 1823 г. Въ 1829 г. осмотрѣны старинныя библіотеки и архивы въ Архангельской и въ Вологодской губерніи ¹⁾. Съ 1830 г., когда Строевъ нашелъ себѣ дѣятельнаго помощника въ чиновникѣ Бередниковѣ, экспедиція раздѣлилась на два одновременно работавшія отдѣленія. Оба отдѣленія въ 1830—1834 г. успѣли осмотрѣть все нужное въ губерніяхъ: С.-Петербургской, Олонецкой, Новгородской, Псковской, Тверской, Московской, Ярославской, Костромской, Владимірской, Нижегородской, Казанской, Вятской и Пермской ²⁾. Въ продолженіе всего путешествія экспедиція осмотрѣла около 200 библіотекъ и архивовъ и приготовила: 1) собраніе древнихъ грамотъ, судебныхъ дѣлъ и т. п. XIV—XVII вв. въ 10 томахъ; 2) каталоги рукописей и старопечатныхъ книгъ, хранящихся въ монастырскихъ и другихъ библіотекахъ съ выписками и рецензіями рукописей, расположенныхъ по алфавиту (предметовъ и писателей). Все это представлено

¹⁾ Въ городѣ Архангельскѣ, въ монастыряхъ Николаевско-Корельскомъ, Архангельскомъ, Крестномъ, Красногорскомъ, Веркольскомъ, Сійскомъ, Шенкурскомъ-Троицкомъ, упраздненномъ Богословскомъ, въ соборахъ Холмогорскомъ и Шенкурскомъ, въ монастыряхъ Спасо-Прилуцкомъ, Коряжемскомъ Устюжско-Архангельскомъ и др. въ Вологдѣ, Тотмѣ, Устюгѣ, Сольвычегодскѣ, Яренскѣ и въ нѣкоторыхъ волостныхъ правленіяхъ.

²⁾ Строевъ осмотрѣлъ библіотеки: Московскую Синодальную, Троицко-Сергіевскую, Московско-Духовно-Академическую, Новгородскую Софійскую, Кирилло-Бѣлозерскую и Іосифо-Волоколамскую, и архивы: Троицко-Сергіевскій, Симоновскій, Саввино-Сторожевскій, Ипатьевскій, Кирилло-Бѣлозерскій, Толжскій, Макаріево-Унженскій, Суздальскій-Покровскій, Суздальскій-Спасо-Евфимьевъ, Пушкинскій-Московскій, да кромѣ того привелъ въ извѣстность столпцы нѣкоторыхъ губернскихъ правленій и казенныхъ палатъ. Бередниковъ произвелъ розысканія въ монастыряхъ Соловецкомъ, Валдайскомъ-Иверскомъ, Богородицко-Свяжскомъ, Макаріево-Калязинскомъ, Нило-Столобенскомъ, Александро-Свирскомъ, Тихвинскомъ-Успенскомъ, Новоторжскомъ-Ефремовскомъ, Желтоводскомъ, Флорищевскомъ, и разныхъ другихъ, а равно и архивы многихъ родовъ.

было Академіи наукъ, которая и передала первое собраніе министру народнаго просвѣщенія для дальнѣйшихъ распоряженій, а второе — Строеву для составленія библиологическаго словаря или указателя сочиненій и переводовъ, извѣстныхъ въ литературѣ нашей въ XVIII вѣкѣ. Такъ окончила свое дѣло археографическая экспедиція, предположенная Строевымъ. Не все то, что было предположено, было сдѣлано: не говоря уже о западной и южной Россіи, даже и въ томъ пространствѣ, которое было взято для разысканій, осталось много нетронутымъ, неизвѣстнымъ, какъ показали и до сихъ поръ показываютъ открытія; но иначе и не могло быть: ни времени, которое употребила экспедиція на свои развѣдки и работы, ни средствъ экспедиціи, ни силы ея побѣдить всѣ затрудненія, частію предвидѣнныя, и узнавъ, добыть случайно и неслучайно скрывающееся, не было достаточно для полнаго успѣха. Какъ бы то ни было, и то, что сдѣлано, дало обильные плоды. Первымъ послѣдствіемъ экспедиціи было учрежденіе археографической комиссіи, сдѣлавшейся скоро образцомъ нѣсколькихъ другихъ учрежденій того же рода. Комиссія начала свои дѣйствія въ 1835 г., а въ 1836 году уже были напечатаны четыре большихъ тома Актовъ, собранныхъ археографической экспедиціей (и частію добавленныхъ послѣ), къ которымъ присоединенъ въ 1838 г. и пятый, занятый указателями. По этому изданію, въ которое вошло 1296 актовъ, въ томъ числѣ и много большихъ, можно судить о важности находокъ и трудовъ экспедиціи; но въ немъ помѣщены не всѣ акты, ею собранные: выборъ (428-ми) актовъ другого рода вышелъ подъ названіемъ Актовъ юридическихъ въ 1838 г., такъ же съ указателемъ (1840 г.). Двумя этими собраніями актовъ положено начало нѣсколькимъ другимъ собраніямъ. Что касается до другого сборника свѣдѣній, собранныхъ археографическою экспедиціей, касающихся Русской литературы до XVIII вѣка и переданныхъ Строеву для дальнѣйшей обработки, то съ нимъ ознакомилъ Строевъ читателей только «Хронологическимъ указаніемъ матеріаловъ отечественной исторіи, литературы и правовѣдѣнія», явившимся ранѣе всего, что сдѣлано было экспеди-

цей, очень скоро вслѣдъ за ея возвращеніемъ въ Петербургъ (Журн. мин. народ. просв. 1834. I, стр. 152), къ сожалѣнію очень краткимъ ¹⁾. Послѣ этого прекраснаго начала, остававшагося долго нужнымъ пособіемъ при изученіи древней и вообще до-Петровской литературы, непотеряваго и доселѣ своего значенія, можно было надѣяться, что предложенный Академіею наукъ библиологическій словарь выйдетъ изъ подъ руки Строева важнымъ приобрѣтеніемъ Русской литературы; но Строевъ, занятый съ тѣхъ поръ постоянно все новыми копотливыми трудами, откладывалъ окончательную его обдѣлку — и оставилъ его послѣ себя въ недодѣланномъ видѣ.

Одинъ изъ тѣхъ копотливыхъ трудовъ, которые представились усидчивой дѣятельности Строева, былъ имъ почти конченъ еще до начала экспедиціи, въ 1828 г. Это были указатели къ одиннадцати томамъ Исторіи государства Россійскаго Карамзина. Въ 1829 г. вышелъ двѣнадцатый послѣдній томъ ея; но Строевъ,

¹⁾ «Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣдѣнія до начала XVIII столѣтія» (Журн. мир. нар. просв. 1874. I: отд. II: стр. 152—188) состоитъ изъ 256 §§ очень небольшихъ—рѣдко болѣе чѣмъ въ три—четыре строки. § 1. О Кириллѣ и Мееодіи, § 2—5 объ XI вѣкѣ, § 6—17 о XII вѣкѣ, § 18—29 о XIII вѣкѣ, § 30—44 о XIV вѣкѣ, § 45—79 о XV вѣкѣ, § 80—149 о XVI вѣкѣ, § 149—256 о XVII вѣкѣ. О вѣкахъ древности. до XV в., очень не много и не беспристрастно, что особенно видно по отзывамъ въ противность нѣкоторымъ мнѣніямъ Калайдовича и Карамзина. Такъ на пр. считая Іоанна ексарха Болгарскаго, Константина Болгарскаго и Григорія монаха «мнимыми» сотрудниками Кирилла и Мееодія (§ 1), Строевъ перенесъ ихъ въ XII вѣкъ подъ конецъ (§ 15); поученіе Луки Жидаты «названо «гораздо позднѣйшимъ» (§ 4); о «Лѣтописи Нестора» сказано: «Да и гдѣ Лѣтопись Несторова? Уже ли въ сборникахъ позднѣйшихъ вѣковъ» (изъ которыхъ древнѣйшимъ названъ Лаврентьевскій списокъ 1377 г. «Лѣтописца Русскаго» § 39). Не болѣе можно сказать о Василии, Сильвестрѣ и другихъ будто бы продолжателяхъ Нестора» (§ 5) и т. п. Изъ указаній древнихъ памятникѣвъ самое важное по новости находится въ § 17: «*Антонія* архіеп. Новгородскаго Паломникъ въ Царьградѣ (1200 г.) дошелъ къ намъ въ списокѣ XV вѣка». Не такъ важно, по крайней мѣрѣ не такъ вѣрно указаніе § 33: «*Стефанъ* Новгородецъ бывшій въ Палестинѣ (около 1349) написалъ Хожденіе, сходное во многомъ съ Паломникомъ Даніила». О вѣкахъ XV—XVII указаній очень много и между ними есть нѣсколько остающихся необъясненными и доселѣ.

занятый археографическою экспедиціей, не могъ приняться за окончаніе до 1834 года. Непосредственно по возвращеніи въ Москву онъ занялся пополненіемъ и окончательною обработкою своего труда,—и въ концѣ 1836 года вышелъ въ свѣтъ «Ключъ къ исторіи Государства Россійскаго». Что это за книга, знаетъ всякій, занимавшійся Русскою исторіей со времени ея выхода въ свѣтъ и занимающійся теперь. Насколько необходимъ для изслѣдователей трудъ Карамзина, настолько необходимъ Ключъ Строева, чтобы пользоваться трудомъ Карамзина. Можно, кажется, безъ преувеличенія сказать, что со времени появленія Строевскаго Ключа начался новый періодъ значенія Карамзинской исторіи: Ключъ полно и отчетливо показалъ, что именно и гдѣ есть въ Исторіи государства Россійскаго, т. е., что было въ Россіи до XVII вѣка, на сколько это могло быть узнано Карамзинымъ. Въ первомъ отдѣленіи Ключа помѣщенъ подробный указатель именъ личныхъ, во второмъ—такой же подробный указатель именъ географическихъ, (съ этнографическими и топографическими), въ третьемъ—указатель всѣхъ важныхъ предметовъ (древностей). Какъ приложение къ первому отдѣленію въ концѣ Ключа помѣщены родословныя росписи владѣтельныхъ князей (на которыя и сдѣланы, гдѣ нужно, ссылки въ Ключѣ). Ошибокъ, неизбѣжныхъ въ трудѣ такого рода и при его печатаніи, сравнительно очень мало, почти нѣтъ. Изъ неудобствъ при пользованіи Ключемъ самое важное—ссылки на цифры примѣчаній по томамъ, а не на страницы, которыхъ однимъ примѣчаніемъ заняты по нѣскольку, по десяти и болѣе.

Въ томъ же 1836 году вышли еще два другихъ труда Строева, которые очевидно и начаты были уже по возвращеніи изъ экспедиціи: 1) Описаніе старопечатныхъ книгъ купца И. Царскаго—большой томъ въ 450 страницъ, и 2) Каталогъ Славяно-Русскихъ рукописей купца И. Царскаго (тетрадь въ 80 стр.)—то и другое по образцу описаній Толстовскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, съ указателями. Особенно важенъ первый изъ этихъ двухъ трудовъ, давшій, въ дополненіе къ описанію старопечатныхъ книгъ графа Толстого, не мало любопытныхъ данныхъ

въ замѣчаніяхъ о 286 книгахъ. При немъ такъ же приложены палеографическіе снимки прифтовъ (изъ 12-ти книгъ на 9-ти листахъ).

Годы 1837, 1838, 1839 прошли для Строева въ работахъ надъ разборомъ актовъ архивовъ Соликамскаго, Кунтурскаго и Московскихъ, но не исключительно въ нихъ. У изслѣдователя, познакомившагося съ огромнымъ количествомъ матеріаловъ для изслѣдованій, долженъ былъ составиться очень богатый и разнообразный запасъ замѣтокъ о разнаго рода предметахъ изъ круга его наблюденій. Было между прочимъ собрано огромное количество данныхъ о монастыряхъ, церквахъ, епархіяхъ и пр. Строевъ занялся приведеніемъ ихъ въ стройный порядокъ и продолжалъ эту работу до послѣдняго времени. Этотъ трудъ, напоминая собою объ «Исторіи Россійской іерархіи», въ высшей степени необходимъ для изслѣдователей не только потому, что «Исторія Россійской іерархіи» уже устарѣла и должна быть передѣлана по множеству новыхъ источниковъ и изслѣдованій, но даже и потому, что стала въ числѣ библиографическихъ рѣдкостей.

Занимаясь Московскими архивами, Строевъ остановился въ архивѣ Оружейной палаты на царскихъ расходныхъ и выходныхъ книгахъ. Первые, начиная съ 1613 г., важны, по выраженію Строева, какъ «лѣтопись двора и Москвы, картина занятій и увеселеній членовъ царскаго семейства», представляющая подробности праздниковъ и множество другихъ свѣдѣній по разнообразнымъ предметамъ; вторыя, выходныя книги, заключаютъ въ себѣ «записки о платьѣ, какое государи надѣвали при выходахъ торжественныхъ и обыкновенныхъ» — съ 1632 г. Въ началѣ 1841 г. Государь Императоръ, по представленію министра народнаго просвѣщенія, изъявилъ свое соизволеніе на изданіе въ свѣтъ книгъ выходныхъ и выписокъ изъ расходныхъ, и Строевъ, взявшись за этотъ трудъ, именно за изданіе выходныхъ книгъ, окончилъ его въ 1843, такъ что въ 1844 огромный томъ въ 4-ку (въ 100 листовъ съ лишнимъ) явился въ свѣтъ. Онъ явился въ свѣтъ не только просто какъ хорошее изданіе памятника давней

старинны съ подлинника, но вмѣстѣ и какъ важное пособіе для изученія этой старинны при помощи объясненій и указаній издателя: болѣе 100 страницъ убористой печати заняты въ концѣ книги Указателемъ историческимъ, топографическимъ, реальнымъ и филологическимъ съ *объясненіями*. Вотъ эти-то объясненія не только лицъ и мѣстъ, но и разныхъ названій предметовъ дали книгѣ значеніе, какого бы она не могла имѣть безъ нихъ, давъ возможность не только понимать выходы, но и уразумѣть царскій бытъ XVII в. Въ своемъ родѣ это былъ первый опытъ, которымъ, вмѣстѣ съ дополняющими его трудами Вельтмана, а. Саввы и П. И. Савваитова, при тѣхъ общихъ очеркахъ, которые нашли себѣ мѣсто въ Исторіи Россіи И. М. Соловьева (не говоря объ устарѣлыхъ очеркахъ Успенскаго), надо было пользоваться для узнанія подробностей царскаго быта до появленія труда Забѣлина о бытѣ Русскихъ царей, и къ которому за объясненіями нѣкоторыхъ подробностей приходится обращаться и теперѣ.

Въ то время, когда печатался этотъ трудъ, Строевъ занялся новымъ библиографическимъ трудомъ. Сдѣлавшись библіотекаремъ Общества исторіи и древностей (въ 1840 г.), онъ нашелъ необходимымъ сдѣлать обстоятельное описаніе библіотеки Общества, и по придуманному имъ плану окончилъ его съ небольшимъ въ два года — такъ что въ 1845 году книга эта подъ названіемъ «Библіотека Общества исторіи и древностей» вышла въ свѣтъ. Важнѣйшая часть ея, занимающая около половины всей книги, есть описаніе рукописей (335 славянскихъ и русскихъ и 7 иноязычныхъ), сдѣланное такъ же какъ и прежніе его труды этого рода, но со внесеніемъ довольно часто записей или дословно или по содержанию. Въ другихъ отдѣленіяхъ книги находимъ простые библиографическіе перечни. Въ концѣ, какъ и при другихъ книгахъ Строева, приложены подробные указатели именъ и предметовъ. Еще одинъ трудъ Строева этого же рода по значительности потребовалъ гораздо болѣе времени и вышелъ въ концѣ 1848 г. Это — рукописи Славянскія и Россійскія, принадлежащія почетн. гражданину И. Царскому. Въ книгѣ этой (на 65 печатныхъ ли-

стахъ) находимъ свѣдѣнія о 750 рукописяхъ, свѣдѣнія какъ о содержаніи рукописей, такъ и о взаимномъ ихъ отношеніи и отношеніи къ печатнымъ книгамъ, а равно и о записяхъ и припискахъ, почему нибудь достойныхъ вниманія. Въ концѣ подробный указатель лицъ, мѣстъ и предметовъ. Это описаніе рукописей не можетъ быть сравнено съ Востоковскимъ Описаніемъ рукописей Румянцевскаго музея (1842)—по задачѣ, которая имъ рѣшалась, а потому не можетъ быть такъ же важна для изученія древности и старины языка, письменности и всего другого; тѣмъ не менѣе она уже и не то, что было въ виду у составителя «Обстоятельнаго описанія» Толстовскихъ рукописей, вышедшаго за двѣнадцать лѣтъ прежде. Ее нельзя не помнить въ числѣ лучшихъ пособій для изученія нашихъ рукописей. Это былъ послѣдній изъ значительныхъ трудовъ Строева, вышедшихъ при его жизни. Можно было бы упомянуть и еще объ одномъ, хотя и не вышедшемъ въ свѣтъ, но оконченномъ, если бы его изданіе положено было сдѣлать такъ, какъ оно вышло изъ подъ руки Строева: разумію Указатель къ Полному Собранію Русскихъ лѣтописей, приготовленный Строевымъ для шести первыхъ томовъ этого собранія. Археографическая комиссія не нашла его сообразнымъ съ цѣлью, которой желала достигнуть, и положила его дополнить (прибавивъ данныя изъ томовъ седьмого и восьмого) и переработать: начало изданія уже сдѣлано; Богъ дастъ будетъ и конецъ.

Остаются неизданными два труда Строева: одинъ—Матеріалы для исторіи Славяно-русской литературы — переданъ во 2-ое отдѣленіе Академіи Наукъ, другой—Хронологическіе списки іерарховъ, архимандритовъ, игуменовъ—въ Археографическую комиссію. Этотъ второй, какъ заключающій въ себѣ много важныхъ и новыхъ указаній и дополнявшійся составителемъ постоянно до послѣднихъ лѣтъ жизни, уже отпечатанъ и скоро появится. Что касается до перваго, представляющаго болѣе отрывочныхъ замѣтокъ, чѣмъ законченныхъ очерковъ, и оставшагося у составителя безъ дополненій съ 1837 г., то въ Академіи еще не образовалось окончательно рѣшенія, что съ нимъ сдѣлать, хотя и о немъ

нельзя не сказать уважительнаго слова, какъ о зачаткѣ труда очень важнаго.

Изъ сдѣланнаго обзорѣнія трудовъ покойнаго П. М. Строева, хотя оно и не совершенно полно, видно, кажется, какъ общественно-полезно прошла жизнь этого труженика русской науки, давашаго и образцовые труды, и образцы стойкости и добросовѣстности въ ихъ исполненіи¹⁾.

¹⁾ Въ дополненіе къ тому, что сообщено о научной дѣятельности Строева прилагается нѣсколько свѣдѣній изъ формулярнаго списка. На службу поступилъ онъ, т. е. зачисленъ былъ по 9-му году (31 янв. 1805 г.) въ Московское губернскае правленіе губернскимъ регистраторомъ; по 15-му году, въ 1810 г. произведенъ въ коллежскіе регистраторы; въ 1818 г. переведенъ къ дѣламъ Московскаго комиссаріатства; въ 1815 г. причисленъ къ дѣламъ Рязанскаго солянаго комиссаріатства и въ этой службѣ оставался до поступления въ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ Комиссію печатанія государственныхъ грамотъ въ 1816 г., гдѣ и оставался до 1 сент. 1822 г., достигнувъ чина титуляр. совѣтн. и ордена св. Анны 3-й ст. Уволенный отъ обязанностей по Комиссіи печатанія государ. грамотъ и договоровъ онъ однако остался по службѣ въ Архивѣ и оставался въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ до конца 1834 г. За труды по Архиву Донскаго войска получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. Во время археологической экспедиціи «въ вознагражденіе полезныхъ трудовъ по части отечественной исторіи» получилъ чинъ коллежскаго ассесора (23 янв. 1831) и орденъ св. Анны 2-й ст. (29 іюня 1832); а по окончаніи трудовъ экспедиціи «въ награду заслугъ по части отечественной археографіи» получилъ—по случаю выхода въ отставку—пенсію по 2,000 руб. въ годъ (2 іюля 1835 г.) Вновь на службу, въ Археографическую комиссію, поступилъ въ 1839 г. съ сохраненіемъ пенсіи и по этой службѣ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника въ 1841 г. При образованіи Отдѣленія Русскаго языка и словесности въ Академіи наукъ въ 1841 г. назначенъ членомъ его съ званіемъ адъюнкта. Въ 1843 за отличіе по службѣ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст.; въ 1846 за выслугу дѣтъ чиномъ статскаго совѣтника; въ 1847 избранъ по Академіи наукъ экстраординарнымъ академикомъ, а въ 1849 ординарнымъ академикомъ. Въ 1864 г. награжденъ за отличіе чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ 1866 г. получилъ прибавку къ пенсіи по 1,000 р. ежегодно.